

УДК 811.161'42:398.91(476+470+477)

**Паремиологический компонент языкового портрета информанта в
восточнославянском пограничье**

*Gomonova Inna Gennadievna, Nichyporchyk Alena Vladimirovna
Francisk Skorina Gomel State University*

**Paremiological component of the language portrait of informant
in the east slavic boundary**

В статье на основе языкового материала, собранного во время студенческой диалектологической практики, анализируется паремиологический компонент языкового портрета информантов – жителей восточнославянского пограничья. Оценивается знание, понимание и употребление паремий носителями семейного социолекта, проживающими в Гомеле и Гомельской области. Делается вывод о неомогенности паремиологической составляющей фамилиолектов пограничья по ряду признаков: узуальность / окказиональность, архаичность / современность, монолингвальность / билингвальность.

Ключевые слова: паремия, паремиологическая единица, фамилиолект, информант, языковой портрет.

In the article the paremiological component of the language portrait of informants – residents of the East Slavic borderland – is analyzed on the base of linguistic material collected during student dialectological practice. The knowledge, understanding and use of proverbs by the carriers of the family sociolect living in Gomel and the Gomel region are evaluated. The conclusion is drawn about the inhomogeneity of the paremiological component of the family sociolect of borderline for a number of attributes: usability / occasionality, archaic / modern, monolingual / bilingual.

Key words: proverb, paremiological unit, family sociolect, informant, language portrait.

Языковой портрет личности сложен и многокомпонентен. Богатую языковую личность, способную создавать и воспринимать тексты, отличающиеся "степенью структурно-языковой сложности; глубиной и точностью отражения действительности; определенной целевой направленностью" [3, с. 25], характеризует, наряду с другими особенностями, активное использование устойчивых выражений, а в их числе паремиологических единиц.

Паремии, как известно, являются достоянием языкового коллектива. Правда, реальная "жизнь" устойчивых выражений как знаковых единиц весьма специфична: не являясь однословными единицами, они могут в значительной степени подвергаться варьированию, утрачивая тем самым идентичность формы; переосмысляться, приобретая новую функциональную парадигму; могут служить материалом для образования новых выражений, не теряя при этом связи с выражением-донором. Границы национальной паремиологии находятся в постоянном движении. Да и паремиологическое ядро, которое может быть выделено на основе диахронического анализа национального паремиофонда [2, с. 52], тоже в какой-то степени условно. По мнению В.М. Мокиенко, "зона узнавания" устойчивых выражений, ассоциируемая с ядром национальной паремиологии, значительно "колеблется в языковом сознании конкретных носителей языка" [5, с. 179].

Выделение наиболее употребительных паремиологических единиц является еще более сложной задачей, если заниматься ее решением, изучая языковое сознание носителей двух языков – фамилиолект тех, кто живет в пограничье. Языковое сознание белорусов, проживающих на территории, граничащей с Россией, формируется на основе восприятия белорусской и русской разговорной стихий, местного диалекта и диалекта соседнего языкового коллектива и, наконец,

белорусской и русской литературной речи. Влияние белорусского языка на выбор средств для общения белорусов, говорящих преимущественно по-русски, наблюдается повсеместно. И варьирование степени такого влияния зависит в большей степени от иного рода факторов, чем близость или удаленность от границ с Россией. К такого рода факторам следует отнести и возраст носителя языка, и степень его образованности, и способность к самоконтролю, и место формирования языковой личности – город или село.

Объектом нашего анализа избран фамилиолект (семейный социолект) людей, проживающих в Гомеле и Гомельской области. Частная задача исследования заключается в оценке знания, понимания и употребления паремиологических единиц как фактов русской лингвокультуры в двуязычной среде пограничья.

Материал для исследования собран студентами филологического факультета Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины в ходе диалектологической практики, одно из направлений которой заключается в изучении фамилиолекта жителей Гомеля и Гомельской области. Вопросник, составленный для сбора соответствующего языкового материала, содержит, наряду с другими, задачи, направленные на выявление паремиологических единиц, характерных для фамилиолекта жителей Гомеля и Гомельской области; исследование вариантов паремий, выявленных путем опроса информантов, и условий употребления данных единиц в речи информантов, в качестве которых выступают городские и сельские жители разного возраста и социального положения. Приведем данную часть вопросника:

- Какие пословицы и поговорки активно используются членами вашей семьи?
- Какое значение имеют следующие пословицы и поговорки? В каких ситуациях (с какой целью) их употребляют (напр., для одобрения, сетования, осуждения, ободрения, уничижения и т. д.)? *Сколько волка ни корми, он всё в лес смотрит; Волков бояться – в лес не ходить; Дело мастера боится; Без меня меня женили; Знает кошка, чьё мясо съела; На ловца и зверь бежит; У семи нянек дитя без глазу; Твои бы речи да Богу в уши.*
- Продолжите, если возможно, следующие пословицы и поговорки: *Как аукнется...; Баба с возу...; Семь бед...; Чужую беду руками разведу...; На безрыбье...; На брюхе шёлк...; Глаза боятся...; В чужом глазу соломинку видит...; Не говори "гоп"...; Снявши голову...; Голод не тётка...; Взялся за гуж...; Жизнь прожить...; Дарёному коню...; Чья бы корова мычала...; Не всё коту масленица...; Не рой другому яму...; Лес рубят...; Видит око...*

Анализ материала, собранного студентами-практикантами, показывает, что на просьбу извлечь из памяти знакомые и часто используемые в семье пословицы и поговорки информанты приводят разнообразные в количественном и качественном отношении перечни единиц. Количественная характеристика данной части материала следующая: в среднем информанты приводят от трех до десяти единиц. Отдельные анкеты содержат одну единицу, либо, напротив, количество приведенных устойчивых выражений доходит до тридцати. При этом традиционно для такого рода лингвистических экспериментов не все информанты дифференцируют паремии и фразеологизмы и списки потенциально паремиологических единиц активно включают в себя как устойчивые выражения, функционально подобные высказыванию, так и устойчивые выражения, функционально подобные слову, в том числе окказиональные образования. Приведем примеры таких перечней из трех анкет (стилистика и орфография анкет здесь и далее сохраняется):

– материал, зафиксированный от информанта № 1: *Как с гуся вода; Не плюй в колодец; Не суди, да не судим будешь; Герой в бабиной кофте; Своя ноша не тянет; Ох, да удвох; Ума палаты;*

– материал, зафиксированный от информанта № 2: *Мал, да удал; Пустая бочка громче гремит; Собака на сене; Предупреждён – вооружён; Без привету нет ответу; Дурны пример заразителен; Беда не приходит одна; Бережёного Бог бережёт; Будешь долго мучиться – что-нибудь получится;*

– материал, зафиксированный от информанта № 3: *Баба с возу – кобыле легче; Без вины виноватые; Бери быка за рога; Бог любит Троицу; В тесноте, да не в обиде; Жизнь прожить – не поле перейти.*

Разумеется, узуальные паремиологические единицы (такие единицы находят, как правило, фиксацию в авторитетных собраниях паремий) составляют большую часть полученных в результате опроса "словников". В этих "словниках" выделяется ряд повторяющихся у разных информантов паремиологических единиц узуального характера: *Тише едешь, дальше будешь; Баба с возу – коню легче; Глаза боятся, а руки делают; Без труда не выловишь и рыбку из пруда; Что посеешь, то и пожнешь; Готовь сани летом; Не лезь вперёд батьки в пекло; А Васька слушает да*

ест; В тихом омуте черти водятся; Цыплят по осени считают. Делать выводы об отнесении этих паремий к числу наиболее употребительных в восточнославянском пограничье выражений можно лишь с большой осторожностью, так как число информантов относительно невелико. Тем не менее и небольшое число совпадений часто используемых в речи информантов паремий – это штрихи к общему языковому портрету членов социума, выделяемого по территориальному признаку.

Приводя перечень типичных для семейного социолекта устойчивых выражений, некоторые информанты упоминали белорусские паремии, образованные путем калькирования с русского или имеющие общие с русскими провербиальными единицами генетические корни; однако чаще всего при стремлении информанта говорить по-белорусски язык упоминаемых выражений представлял соединение элементов белорусского и русского языков в разных пропорциях: *Плюнь дурню ў вочы, ён скажа – дождзь ідзе; Колькі вовка ні кармі, а ён усё ровна ў лес глядзіць; Ласкавае теля двух матак сасе; Не лезь перад бацькам у пекла; Сем раз атмер – адин атрэж; По одёжке сустракають, а по уму провожають; Заставь дурака Богу молиться, так ён и лоб разабье; У нашай хате Бог жыве; Что посеешь – тое и пожнешь; Усякі гад на свой лад; Готуй летом сани – а зимой колёса; Много будешь знать, хутка состаришся* и др.

Не исключено, что некоторые называемые информантами устойчивые выражения относятся к числу выражений, употребляемых в регионе, но не зафиксированных в сборниках паремий: *Маи рэчы цябе ў плечы; У навмечки не баляць ні рукі, ні плечкі; Які ні дажджыжска, а лодыру аддышка.*

Интересны и разнообразны окказиональные выражения в перечнях употребляемых информантами устойчивых языковых единиц. Часть таких выражений – продукты "семейного" творчества, имеющие хождение в узком семейном кругу, характеризующиеся слабым намеком на наличие узуальной деривационной базы / едва уловимыми интертекстуальными связями; другая часть окказионализмов – очевидные трансформы узнаваемых, всем известных паремий, в том числе уже имеющие широкое хождение, сравн.: *Явилось это чудо неведома откуда; Руки не туда глядят; Гляжу в книгу – вижу ничего; Смех бяду валок; Не суй свой нос, куда собака свой не совала; Незванный гость – хуже Гагарина.*

Свидетельством "жизни" паремиофондов, проявляющейся в постоянном их пополнении, служит упоминание в ответах информантов относительно "свежих" расхожих выражений, имеющих разные источники, в том числе литературные: *Одна попробовала – семерых родила* (фиксируется в словаре народной фразеологии "Жгучий глагол" [4]; *Бери больше, кидай дальше* (находит фиксацию в том же словаре); *Лети с приветом – вернись умным* (фиксируется в словаре "Антипословицы русского народа" [1, с. 243]); *Кто сказал, что без Подола Киев невозможен* (из песни Аркадия Северного); *Мастер Пепка – делай крепко* (название книги Н. Иванова) и др.

Толкование пословиц для многих информантов оказывается нелегкой задачей. В некоторых анкетах наряду с точным определением значения пословицы встречаются неточные, неверные толкования, отмечаются случаи буквального понимания выражения: *Сколько волка ни корми – он в лес смотрит* – Неблагодарным людям что ни сделай, благодарности не дождешься; *Дело мастера боится* – Начинай любое дело, и все получится; *Знает кошка, чьё мясо съела* – Накосячил и сидит; *Волков бояться – в лес не ходить* – Если боишься, сиди и не рыпайся; *Без меня меня женили* – Не хотел жениться, а его женили. Интересно, что некоторые информанты сопровождали толкование паремии указанием на ключевой концепт, воплощенный в содержании паремиологической единицы (хотя постановки такой задачи не было), приводили синонимические выражения, в отдельных случаях толкование заменялось указанием на ключевой концепт: *У семи нянек дитя без глазу* – Недогляд. Сто чалавек, а толку нет; *На ловца и зверь бежит* – Встреча желанная и неожиданная. Счастье; *Волков бояться – в лес не ходить* – Смелость. Можно еще сказать: кто не рискует, тот не пьет шампанское; *У семи нянек дитя без глазу* – Рассеянность. Необязательность. Халатность.

Определение функции паремий, напротив, у многих информантов не вызвало трудностей: *У семи нянек дитя без глазу* – Чем больше людей берется за дело, тем хуже выходит (сетование); *Сколько волка ни корми, он всё в лес смотрит* – Нельзя человека изменить (осуждение); *Без меня меня женили* – Сетование; ну что-то сделали без моего согласия, разрешения. Некоторые информанты вообще свели толкование паремий к определению их функций, что, кстати, согласуется с трактовкой значения как назначения в лингвопрагматике: *Сколько волка ни корми, он всё в лес смотрит* – сетование; *Волков бояться – в лес не ходить* – ободрение; *Дело мастера*

боится – ободрение; *Без меня меня женили* – сетование; *Знает кошка, чьё мясо съела* – осуждение.

Ответы информантов на просьбу привести продолжение предлагаемых в опроснике пословиц и поговорок говорят о том, что далеко не все паремии из этого списка известны участникам эксперимента. Основная причина "неузнаваемости" некоторых паремий – их архаический характер. Такие паремиологические единицы (*На брюхе шёлк...* и *Видит око...*) в ходе опроса информантов, как правило, не получают продолжения и вызывают следующие реакции: *Эта я первый раз слышу*; *Проста гаварят*; *Без понятия* и подобные. Если продолжение для такой паремии приводится, оно часто имеет окказиональный характер. Так, пословица *На брюхе шёлк*, [*а в брюхе щёлк*] получает следующие интерпретации: *На брюхе шёлк*, [*в голове пусто*]; *На брюхе шёлк*, [*а в голове толк*]. В результате такой трансформации паремии изменяется и ее значение.

Узнаваемые информантами паремии делятся на такие, к которым привести продолжение для опрашиваемых не составляет труда (при этом продолжение, как правило, имеет узуальный характер), и такие, которые используются информантами исключительно в редуцированном виде и, следовательно, не получают продолжения в процессе опроса или такое продолжение имеет трансформированный характер. К паремиям первого типа относятся *Как аукнется...*; *Баба с возу...*; *Семь бед...*; *На безрыбье...*; *Глаза боятся...*; *В чужом глазу соломинку видит...*; *Не говори "гон"...*; *Взялся за гуж...*; *Жизнь прожить...*; *Не рой другому яму...*; *Лес рубят...* Самые типичные для данного паремиологического материала виды трансформаций следующие: лексическая мена компонента (*Дарёному коню в рот не смотрят*; *Снявши голову, по шапке (по ушам) не плачут*; *Не рой яму другому, сам туда загребешь*; *Взялся за гуж, не говори, что слаб* и др.) и замена русскоязычного компонента белорусскоязычным (*Глаза боятся, а руки робят*; *Семь бед – один адказ*; *Лес рубят – трэски летят*; *Дарёному коню в зубы не глядзяць*; *Взялся за гуж – не кажи, что не дуж* и др.).

К паремиологическим единицам второго типа относятся *Голод не тётка...* и *Не всё коту масленица...* Так, первая из паремий получает у информантов интерпретации типа *Голод не тётка*, [*а мать родная*]; *Голод не тётка* [*и тётка не голод*]; *Голод не тётка*, [*усё падбярэ*]; *Голод не тётка* [*– в лес не убежит*] (в последнем случае происходит контаминация двух известных пословиц) и др.).

Итак, паремиологический компонент языкового портрета информанта в восточнославянском пограничье получился пестрым – негомогенным по ряду признаков: узуальность / окказиональность, архаичность / современность, монолингвальность / билингвальность. Произвольное, то есть внеситуативное, извлечение из памяти известных информантам паремий не приносит больших плодов: неактуализированность одного звена в ассоциативной связи провербиального знака с определенным классом типовых ситуаций не приводит в должное "движение" нейронные сети, так как сознание привыкло совершать обратную процедуру – от ситуации к ее прецедентному наименованию.

Подтверждается и положение о двучастной организации паремиологических единиц, провербиальной антиципации: обращение к первой части паремии оказывается достаточным для полноценного коммуникативного хода, вторая часть многих паремиологических единиц по этой причине "приходит в забвение" – забывается многими носителями языка, в том числе носителями фамилиолектов. Точное понимание значения паремии ее пользователем, как показывает проведенный эксперимент, не является непременным атрибутом ее корректного употребления в речи: более важным оказывается знание функции паремии.

Список использованных источников

1. Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : Издательский дом «Нева», 2005. – 576 с.
2. Иванов, Е. Е. Паремиологический минимум и основной паремиологический фонд / Е. Е. Иванов // Паремиология в дискурсе : общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О. В. Ломакиной. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – С. 48–72.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
4. Кузмич, В. Жгучий глагол : словарь народной фразеологии / В. Кузмич [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://folklor.academic.ru>. – Дата доступа : 10.09.2019.
5. Мокиенко, В. М. Проблемы славянской паремиологии (лингвистические аспекты) / В. М. Мокиенко // Славянская фразеология и паремиология в XXI веке : сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко. – Минск : Змидцер Колас, 2010. – С. 167–189.